

Ольга Клюкина

Святые в истории

Жития святых в новом формате

IV-VII века

Равноапостольный император
Константин Великий
Преподобный Антоний Великий
Преподобная Эмилия
Кесарийская (Каппадокийская)
Святитель Иоанн Златоуст
Блаженный Августин
Преподобный Бенедикт
Нурсийский
Святитель Григорий Двоеслов
Преподобный Максим Исповедник
Преподобная Одри Элийская

Святые в истории

Ольга Клюкина

**Святые в истории. Жития святых
в новом формате. IV–VII века**

«Никея»

2014

УДК 281.1
ББК 86.372

Клюкина О. П.

Святые в истории. Жития святых в новом формате. IV–VII века /
О. П. Клюкина — «Никея», 2014 — (Святые в истории)

В серии «Святые в истории» писательница Ольга Клюкина обращается к историческим свидетельствам, чтобы реконструировать биографии христианских подвижников различных эпох. О святых минувших столетий автор рассказывает живым современным языком, делая их близкими и понятными сегодняшнему читателю. Вторая книга серии охватывает IV–VII века и посвящена эпохе Вселенских соборов, христианизации варварских народов и становлению монашества.

УДК 281.1
ББК 86.372

© Клюкина О. П., 2014
© Никея, 2014

Содержание

От издательства	5
Предисловие	6
Равноапостольный император Константин Великий	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ольга Клюкина

Святые в истории. Жития святых в новом формате. IV–VII века

*Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской
Православной Церкви 13-320-2533*

От издательства

Книга, которую вы держите в руках, продолжает серию «Святые в истории». Ее автор, писательница Ольга Клюкина, воссоздает биографии святых различных эпох. Подобная реконструкция возможна лишь отчасти, особенно когда речь идет о святых древности, а во многих случаях недоступна вовсе. Поэтому серия включает жизнеописания тех подвижников, о которых имеются достаточные исторические сведения: мученические акты; жития, максимально приближенные по времени к описываемым событиям; свидетельства современников; наконец, сочинения самих святых. Биографии помещены в широкий исторический контекст, позволяющий более ярко представить реальную жизнь подвижников веры. Несмотря на обилие исторических фактов, книга читается удивительно легко, на одном дыхании. Рассказывая о святых прошлых столетий живым современным языком, автор делает их близкими и понятными сегодняшнему читателю.

Серия выстроена по хронологическому принципу и состоит из шести книг, рассказывающих о двадцати веках христианства. Ключевые моменты истории Церкви и святости каждого периода раскрываются через жизнеописания девяти наиболее значимых святых.

Вторая книга серии охватывает период IV–VII веков. После прекращения гонений на христианство в начале IV века Церковь оказалась в новых исторических условиях и была вынуждена отвечать на вызовы времени. Это время известно как эпоха Вселенских Соборов, когда под натиском разнообразных ересей выкристаллизовывалось христианское вероучение, формулировались догматы и отстаивалась чистота веры. Получив официальный статус, Церковь должна была выстраивать взаимоотношения с государством, и политические деятели порой играли в церковной истории не меньшую роль, чем религиозные. Завершение эпохи мучеников поставило вопрос о путях к святости. Когда для того, чтобы быть христианином, уже не требовалось пожертвовать жизнью, монашество стало формой бескровного мученичества. Богатые всходы принесла в этот период и христианизация варварских народов, давших Вселенской Церкви немало самобытных святых.

Предисловие

Нужно ли сегодня по-новому писать о святых? Чем этот «новый формат» лучше старого и нужен ли он нам?

Возможно, мы не задавали бы себе эти вопросы, если бы не сонм новомучеников, прославленных Русской Православной Церковью. Именно благодаря им, мученикам и исповедникам XX века, стало ясно: жанр агиографии нуждается в переосмыслении.

Между XVIII веком, когда святитель Димитрий Ростовский составлял житийный сборник Четьи Минеи, и нашим временем пролегла эпоха, принципиально изменившая отношение к житийным текстам. У сегодняшних читателей есть опыт встречи со святыми – практически современниками, ровесниками наших бабушек и дедушек. У них тоже есть жития, составленные на основании протоколов допросов, воспоминаний очевидцев. Читая их истории, невольно задаешься вопросом: неужели эти документальные свидетельства имеют такое же отношение к жанру агиографии, как, скажем, житие целителя Пантелеймона?

О чем нам рассказывают жития древних подвижников? На их страницах в изобилии представлены чудесные истории. Мученика калечат, а на следующий день он предстает здоровым и полным сил; его терзают дикие львы, а он обращается к мучителям с обличительной речью; ему отсекают голову, а вместо крови истекает молоко, вдруг начинают расцветать деревья. Факт святости подтверждается многочисленными необычными явлениями.

А что мы находим в житиях новомучеников? Надругательства уголовников, страшные издевательства следователей, отречение семьи от «врага народа». Эти факты зафиксированы в документах, нередко имеются живые свидетели содеянного.

Как связать истинность подвига того, далекого, мученика с истинностью подвига сегодняшнего? Как увидеть в житии, изобилующем барочными декорациями, настоящего и реального человека, скажем, великомученика Пантелеимона, страдальца за Христа? Он для нас – великий святой, мы молимся ему об исцелении от болезней. А к новомученику и обращаться-то неловко с просьбами. Казалось бы, ну что можно просить у не сдавшегося, не отрекшегося от Бога, но растерзанного, изувеченного, искалеченного, униженного страдальца?

Серия «Святые в истории» дает нам возможность выйти из «прекрасного барокко» в настоящую жизнь и перекинуть мостик между древностью и современностью.

Сегодня переосмысление древних житий крайне актуально. Важно уметь отделять красоту стиля рассказчика и иконописную позолоту события от исторической реальности. Когда святые далеких веков вводятся в реальный контекст жизни, мы осознаем, что их страдания – такие же настоящие, как и страдания наших предков в XX столетии. И тогда полумифический персонаж становится истинно святым, живым и близким.

Святые в древней житийной литературе предстают перед нами как особые люди, специально рожденные по воле Божией. Стать святыми было их предназначением. Преподобный Сергей уже во чреве матери восклицал и молока материнского не вкушал в среду и пятницу. Он родился святым, у него и выбора-то иного не было!

Обычному человеку трудно подражать таким святым. Да и как тут подражать? Их путь предопределен. Но если познавать жизнь древнего святого в контексте той исторической реальности, которая его окружала, становится ясно: это простой человек. И он так же, как любой простой человек, мог дрогнуть, не выстоять, оказавшись перед выбором. И приходит мысль: «А ведь и я могу оказаться на этом месте». Ведь в действительности святые отличаются от нас только одним – они уже свой выбор сделали, а нам это еще предстоит.

Важно понимать – святыми не рождаются. Вот почему так важны для нас личные свидетельства самих святых и воспоминания очевидцев. Их сохранилось не очень много. У нас есть исповедь Блаженного Августина. Есть потрясающие «Душеполезные поучения» аввы Доро-

фея. К этой книге никто не относится как к житию, а ведь она содержит очень яркие автобиографические зарисовки. Например, авва Дорофей пишет: «Когда я был маленьким мальчиком, я ужасно не любил учиться и смотрел на книгу как на некоего ядовитого зверя. Но в какой-то момент я себе сказал, что буду читать. И я заставлял себя читать. И я заставлял себя учиться. И приобрел такой навык чтения, что уже не мог оторваться и забывал, где день и где ночь, и меня специально кормили, потому что я забывал поесть. И когда я пришел в монастырь, я подумал: „Если я приобрел такой навык к обычным, светским предметам, почему бы мне не попробовать сделать то же самое в своей духовной жизни?“»

Из таких историй по крупицам собирается реальный контекст жизни реального человека. Полагаю, что именно так должны создаваться жития святых. Ведь чудеса – даже если они действительно происходили – не главное в жизненном пути святого.

Самое главное в подвиге мученика – это верность Христу. А мы, к сожалению, как правило, воспринимаем святого по количеству чудес, им совершенных. Есть чудеса – значит, настоящий святой, у него есть сила и власть.

Книги серии «Святые в истории» – не про чудеса. Они о том, что есть лишь одно чудо – совершенная верность Христу, совершенное следование за Богом. Как у новомучеников, читая о которых видишь Евангелие, любовь, прощение, молитву за врагов. И это главное.

*Протоиерей Алексей Уминский,
настоятель храма Святой Троицы в Хохлах
(г. Москва)*

Равноапостольный император Константин Великий (273–337)

Равноапостольный император Константин Великий. Фрагмент мозаики. Собор Святой Софии, Константинополь, Византия. Втор. пол. X в.

Сим побеждай!

Только увидев вдалеке Аврелиановы стены, император Константин понял, на что он замахнулся. Рим! Для всех это был не просто город, а святыня, взлелеянная древними богами.

Военный лагерь Константин приказал разбить на равнинном берегу Тибра возле Мильвийского моста.

Римские сенаторы умоляли его освободить Рим от Максенция, обещали проголосовать за смещение тирана, объявить народу, что это они призвали армию для освобождения Рима. Но теперь сенаторы тянули время, боялись...

Даже по численности войско Константина было меньше, чем силы противника, к тому же Максенций сидел за укрепленными стенами и не собирался вступать в открытое сражение. Что же дальше? Взять Рим в осаду, которая может затянуться на месяцы? За это время Максенций призовет на помощь союзников, того же Дайю. Попытаться взять девятнадцатиметровые стены приступом? Но это уже полное безумие...

Наверное, никто прежде не видел императора Константина в такой мрачной задумчивости, как в эти дни.

Он не выходил из своей палатки и словно ждал чего-то. Вот только чего? Единственно верного решения? Чьей-то помощи или хотя бы подсказки? Легионеры тоже бродили по лагерю понурые, словно перед казнью.

Особенно когда стало известно, что Максенций велел верховному жрецу обратиться к книге пророчеств, которая хранилась в Риме за семью печатями, чтобы узнать, на чьей стороне будет победа.

И по книге пророчеств была предсказана смерть врагам Рима.

Максенций по этому поводу устроил в Риме грандиозное пиршество, заранее отпраздновав свою победу.

А в лагере Константина сразу резко повысился спрос на толкователей снов и писарей, помогавших сочинять прощальные письма и завещания.

Накануне решающей битвы, когда солнце клонилось к закату, на небе появилось необычайно круглое и ровное облако, похожее на щит. На облаке были отчетливо видны крест из двух перекрещенных лучей и какие-то буквы. Этот знак так долго не исчезал, что его при всем желании невозможно было принять за случайную игру света и тени – казалось, он начертан на небе чьей-то рукой.

Более мрачного предзнаменования и придумать было невозможно: казалось, что это уже окончательный приговор.

Крест – орудие казни, которое применялось только к отъявленным разбойникам, убийцам и рабам-мятежникам. Теперь он был обещан и легионерам...

Церковный историк Евсевий Кесарийский в сочинении «Жизнь блаженного василевса Константина» уточняет, что слышал об этом событии от самого императора Константина: «Нас с клятвой уверял в этом сам победоносный василевс, когда спустя долго после того мы писали настоящее сочинение и удостоились его знакомства и беседы».

И приводит слова Константина: «Я собственными очами видел составившееся из света и лежавшее на солнце знамение креста с надписью: „Сим побеждай!“»

Наутро лагерь облетело новое известие: ночью во сне императору Константину явился ангел, который сказал: «Сделай изображение креста и прикажи нести его перед своим войском, и ты победишь не только Максенция, но и всех своих врагов».

В тот же день мастера сделали знамя с крестом, которое вместе с аквилами – штандартами в виде золотых или серебряных орлов, размещенных на шестах, – должно было участвовать в сражении. Солдаты через центурионов тоже получили приказ изобразить на своих щитах и шлемах такой крест, какой все видели на облаке.

Вскоре примчался гонец с известием, что армия Максенция внезапно покинула Рим и переправляется через Тибр по плавучим мостам. С точки зрения военной стратегии это было похоже на чудо: переправившись через реку, армия Максенция сама себе отрезала путь к отступлению. Должно быть, предсказания жреца настолько вскружили Максенцию голову, что он не сомневался в своей победе.

В сражение с Константином была направлена и кавалерия мавританцев, которую Максенций набрал в Африке, – издалека чернокожие всадники в белых плащах напоминали стаю хищных птиц или демонов.

Император Константин лично повел свою армию в бой, повелев, чтобы рядом с ним неотступно находилось знамя с крестом. Всего через несколько часов битва возле Мильвийского моста закончилась его безоговорочной победой и стала ответом на тот вопрос, который Константин задавал себе всю свою жизнь...

Родиной Константина Великого считается затерянный на просторах Римской империи городок Наис, или Несс (сейчас это Ниш в Сербии). Он служил военной крепостью, преграждавшей готам, фракийцам, иллирийцам и другим варварам путь на римские территории.

Флавий Валерий Константин родился 27 февраля 273 (по некоторым источникам – 271 или 274) года.

За несколько лет до его рождения, в сентябре 268 года, произошла знаменитая битва с готами под Наисом, надолго обеспечившая спокойствие придунайских римских провинций. Есть что-то символичное в рождении императора Константина, по преданию, не проигравшего ни одного сражения в городе, где народ громко приветствовал победоносные римские легионы.

Возможно, в той битве под Наисом участвовал и отец Константина, уроженец этих мест, – успешный полководец Констанций из рода императора Клавдия Готика.

Имя Констанций означает «постоянный, стойкий, надежный». Все эти качества Константин получит в наследство от отца вместе с именем, и в его роду многие будут носить похожие имена – Констант, Констанций, Констанция...

По поводу происхождения матери Константина Великого существуют две противоположные версии.

По греческой версии, Елена была дочерью трактирщика в маленьком малоазийском городке Дрепанум. Ее знакомство с отцом Константина произошло, когда Констанций, тогда еще римский центурион, возвращался из военного похода по Малой Азии через Дрепанум. По пути он остановился в придорожной гостинице, где Елена помогала отцу разливать вино.

По английской версии, Елена была дочерью короля бриттов и стала женой сенатора Констанция, который возглавлял направленную в Британию военную экспедицию.

В пользу первой версии говорит тот исторический факт, что впоследствии город Дрепанум был переименован в Еленополь и считался родиной царицы Елены. А еще – намеки врагов императора Константина по поводу низкого происхождения его матери, которые называли Елену не законной супругой Констанция, а конкубиной (сожительницей).

Наиболее распространено мнение, что Констанций с Еленой поженились вскоре после рождения сына, из-за чего недруги называли Константина в молодости незаконнорожденным.

Но никто из историков не отрицает, что Елена, вне зависимости от ее происхождения, отличалась врожденным аристократизмом и на редкость сильным, волевым характером.

Она воспитывала сына в спартанском духе. Уже в три года Константин ездил верхом, владел мечом, хорошо плавал, был вынослив в походах.

«Умение вскочить на коня, натянуть лук и попадать стрелой в цель, нанести удар мечом и напрягать руку с силою, достаточною для пускания копья, быть выносливым к холоду и нисколько не ослабевать от чрезмерной жары – и это составляет немалую долю в обучении царей», – писал ритор Либаний о том, как Константин Великий воспитывал своих сыновей («Хвалебное слово царям, в честь Констанция и Константа»). А все потому, что император и сам в детстве прошел такую же школу.

Помимо военной выправки, Константин Великий удивлял своей образованностью и начитанностью, которая выгодно отличала его от других «солдатских императоров», выдвинутых армией.

Когда Константин был еще ребенком, в Римской империи произошли важные политические события, напрямую коснувшиеся его семьи.

Императором Рима стал Гай Аврелий Диоклетиан, в прошлом простой солдат родом из Диоклеи, проложивший себе оружием путь к верховной власти. Впрочем, довольно быстро Диоклетиан понял, что не в силах в одиночку контролировать и защищать от варваров такие огромные территории, и провозгласил соправителем своего боевого товарища Максимиана Геркула.

Сначала он дал Максимиану титул цезаря, а после – более высокий титул августа, представив равные с собой права по управлению Италией и Африкой. Еще через какое-то время Диоклетиан учредил тетрархию – правление четырех правителей, назначив младшими соправителями августов двух цезарей, которые считались их помощниками и преемниками.

И одним из этих цезарей стал отец Константина Констанций, к тому времени одержавший немало побед над варварами, – ему в управление достались Британия, Испания и Галлия.

В недолгий период тетрархии законы в империи издавались от имени всех четырех правителей, монеты чеканились с четырьмя профилями, но при этом Диоклетиан считался старшим августом. Сохранилась скульптура того времени, где четыре правителя Рима, в жизни предпочитавшие держаться друг от друга на большом расстоянии, идиллически стоят в обнимку.

Так Константин стал сыном римского цезаря.

Но вскоре его радость по поводу отцовской пурпурной мантии омрачилась известием о разводе родителей.

Опасаясь заговоров и борьбы за верховный трон, Диоклетиан постарался скрепить тетрархию родственными узами.

Свою дочь Валерию он выдал замуж за восточного цезаря Галерия, предварительно усыновив его. Цезарю Констанцию Диоклетиан велел развестись с Еленой и жениться на Феодоре, падчерице августа Максимиана Геркула.

После свадьбы отец Константина поселился с Феодорой, сделав своей резиденцией город Августа Треверов (сейчас это немецкий город Трир), и продолжил заниматься своим обычным делом – воевать с варварами или готовиться к очередной войне.

Евсевий, епископ Кесарийский, в своем сочинении приводит один случай, который позволяет составить представление о мирных буднях цезаря Констанция, его характере, а также о взаимоотношениях между правителями. Когда Диоклетиан издал эдикт о максимальных ценах на продовольственные и ремесленные товары, народ в стране был возмущен непосильными налогами. Но на западе недовольство ни разу не перешло в открытый бунт, и восточный цезарь Галерий внушил старшему августу, будто Констанций игнорирует его эдикт и чересчур щадит своих подданных. А потому казна западного цезаря пуста и, следовательно, его следует заменить на более твердого правителя. Диоклетиан направил в Треверы своих послов. Квесторы явились неожиданно, без предупреждения и действительно нашли казну пустой. Как раз в это время Констанций готовился к войне с бриттами, и все средства были направлены на оснащение армии.

Цезарь Констанций устроил послам роскошный прием и пригласил их погостить в своей резиденции. А пока гости развлекались, созвал состоятельных горожан на тайный совет, где объявил, что имеет срочную нужду в деньгах и сегодня каждому представляется случай доказать ему свою преданность.

Сограждане с готовностью откликнулись на его просьбу и даже старались превзойти друг друга в размерах пожертвований. Когда цезарь показал послам собранную сумму, их удивлению не было предела.

– Как же так? – недоумевали они. – Мы только что видели своими глазами пустую казну.

– В целях безопасности я предпочитаю хранить деньги не у себя во дворце, а держать их у верных казначеев, – пояснил им Констанций. – А беру их только при необходимости.

Послы доложили Диоклетиану, что западный цезарь не только не был уличен в бедности, но, наоборот, нашел верный способ, как сохранить казну в случае внезапного нападения врагов. Этот способ назывался просто – доверие сограждан.

Когда Константину исполнилось шестнадцать лет, его отправили в Никомедию, где тогда находилась резиденция Диоклетиана, в императорскую военную школу. Как многие говорили – еще и в качестве заложника.

Удерживая возле себя Константина, Диоклетиану было легче держать в повиновении его отца, который пользовался большой поддержкой армии и потенциально был этим опасен.

Уже в юности в облике Константина было что-то победоносное, отличавшее его от других, особенно когда он садился на коня в полном военном облачении. Его высокий рост, безупречное телосложение, выразительные черты лица как будто были созданы для резца ваятеля.

К тому же старший сын цезаря Констанция был умен – разбирался в географии, военной стратегии, литературе, в книжных лавках Никомедии на него работали десятки переписчиков.

Константина считали фаворитом Диоклетиана – стареющий император не раз брал его с собой в инспекционные поездки по стране и в знак особого расположения сажал рядом с собой по правую руку на колеснице. Многие не сомневались, что со временем именно Константин унаследует отцовский трон.

Но с первых же дней пребывания в Никомедии у Константина появился непримиримый и могущественный враг – восточный цезарь Галерий.

Вот какой портрет Галерия оставил для нас историк Лактанций, который в те годы жил в Никомедии при дворце Диоклетиана и многих своих героев знал лично:

«Была в Галерии природная жестокость зверя и дикость, чуждая римской крови... И голосом, и жестами, и взором своим он всех ужасал... Он держал медведей, схожих с ним дикостью и величиной, которых собирал в ходе своего правления по всей империи. Когда ему хотелось позабавиться, он приказывал привести кого-нибудь из них, называя по имени. Людей им бросали не просто ради того, чтобы те их терзали, а чтобы те их сожрали. Когда же их таким образом разрывали, он удовлетворенно смеялся, и никогда не приступал к обеду без кровопролития...» («О смерти гонителей»).

Как сообщает Лактанций, даже за незначительные провинности Галерий приговаривал своих подданных к сожжению на костре или отдавал в цирк на съедение зверям, считая ссылку, темницы, рудники и галеры слишком легкими наказаниями и назначая их в виде особой милости. Из всех видов казни Галерий предпочитал распятие на кресте, так как она давала возможность долго наблюдать за мучениями несчастного.

«Литература же почиталась среди дурных искусств, а тех, кто ее создавал, изгоняли и проклинали, как врагов», – сообщает нам Лактанций, за свое красноречие прозванный современниками «христианским Цицероном».

Как он пишет, Галерий был «статен, с дородным телом, ужасно тучным и отекившим», и даже тесть Диоклетиан чрезвычайно его боялся.

Даже если исключить из рассказа Лактанция явные преувеличения, все равно становится ясно, что Константину уже в юности пришлось выдержать серьезную борьбу, чтобы уцелеть. И многому научиться, в том числе искусству дипломатии, увернувшись от карающей немилости того, кто «словами, поступками и страшным взглядом... был пугалом для всех».

Историки считают, что главным зачинщиком гонений на христиан, получивших в истории название «диоклетиановых», был именно Галерий, который люто, как своих личных врагов, ненавидел христиан.

Около десяти лет пробыл Константин при дворце императора в Никомедии, проявляя незаурядные способности и быстро делая военную карьеру.

Во время египетской кампании, которая началась весной 297 года, двадцатилетний Константин уже был первым трибуном когорты личной императорской гвардии. И во время осады мятежной Александрии, где некий мавр Ахилл при поддержке египтян провозгласил себя августом, по преданию, Константин проявил свое человеколюбие.

Перед отъездом в Египет август Диоклетиан приносил жертву в храме Аполлона, где главный жрец по внутренностям быка предсказал римлянам победу и возвестил, что Аполлон повелел избивать жителей Александрии до тех пор, пока лошадь императора не утонет по колени в крови.

После длительной осады, когда стены Александрии все же были взяты приступом, легионеры ворвались в город и стали убивать всех, кто встречался им на пути. Солдаты врываются в дома, выносят оттуда золото и ценные вещи. Цезари часто в качестве награды отдавали легионерам город на разграбление, просто определяя срок – три дня, десять...

При въезде в город Константин следовал за императором. Вдруг лошадь Диоклетиана споткнулась о тело убитой женщины, поскользнулась в луже крови и упала на передние ноги. Заметив это, Константин воскликнул: «Смотрите, пророчество жреца сбылось! Колени императорского коня красны от крови!»

И тогда Диоклетиан отдал приказ по всем центуриям прекратить расправу над мирными жителями и мародерство.

Вскоре Константин принял участие в персидской кампании против царя Нарсеса, выиграв несколько сражений и сумев спасти остатки армии Галерия. Прибыв в Антиохию, чтобы отпраздновать победу над персами, Диоклетиан почтил Константина не только повышением в военной карьере, но и особыми почестями. Когда старший август объезжал город, рядом с ним на колеснице сидели армянский царь Трдат и Константин. Галерий, как пишут очевидцы, шел рядом пешком, взявшись за поручень, как лакей у стремени своего хозяина. Этого унижения он никогда не простит Константину...

23 февраля 303 года в Никомедии начались беспрецедентные в истории гонения на христиан – в городе была сожжена главная христианская церковь и убиты тысячи верующих.

А на следующий день появился тот самый эдикт Диоклетиана против христиан, согласно которому, как пишет Лактанций, «людей, исповедовавших эту религию, следовало лишить всякого почета и достоинства, подвергнуть пыткам, и, к каким бы рангам или сословиям ни принадлежали, все они подлежали судебному преследованию. Сами же они не могли высказываться ни о несправедливостях, ни о прелюбодеянии, ни о грабежах, в конце концов, они лишались и свободы слова» («О смерти гонителей»).

«Даже имея сто языков, столько же уст и голос железный, я бы не в силах назвать был все виды злодейств и кар имена изложить, которые причиняли судьи праведникам и безвинным людям», – пишет Лактанций, который своими глазами видел эти страшные события.

В 304 году в Риме Диоклетиан торжественно отпраздновал двадцатилетие своего правления, после чего объявил, что покидает трон. Многие говорили, будто к этому шагу заболевшего и за год резко угасшего августа подбил и даже угрозами склонил Галерий.

1 мая 305 года в Никомедию съехались высшие чиновники, консулы, сенаторы, чтобы стать свидетелями исторического момента передачи верховной власти.

Ни для кого не было секретом, что Галерий унаследовал трон Диоклетиана. Вторым августом был назван воевавший в этот момент в Британии Констанций, отец Константина. Главная интрига состояла в выборе двух цезарей.

Среди тысяч зрителей на трибунах был и Лактанций, с репортерскими подробностями описавший это событие.

Диоклетиан произнес краткую прощальную речь, в которой сказал, что состарился, мечтает о покое и готов передать власть в более сильные руки.

Затем перед зрителями появились Галерий и высшие чины императорской гвардии. В первых рядах стоял Константин, выделяясь среди всех высоким ростом и царской осанкой. Многие ожидали, что сейчас будет названо именно его имя.

Галерий сделал знак рукой, и глашатай громко выкрикнул имена новых цезарей:

– Флавий Север!

И затем:

– Дайя!

«Все были ошеломлены. Наверху, на трибуне (возвышении), стоял Константин. Все недоумевали: неужели Константину сменили имя, когда вдруг Максимиан (Галерий), протянув руку назад и оттолкнув Константина, вывел на всеобщее обозрение Дайю, – пишет Лактанций. – Сняв с того одежду частного лица, он поставил его в центре. Все удивлялись – откуда он взялся? Никто, впрочем, смутившись, не осмелился громко возражать, придя в замешательство от неожиданной новости. Диоклетиан набросил на него свой пурпур, сбросив его с себя, и вновь стал Диоклом. Затем он спустился, его провезли как старого царя через весь город на повозке и отпустили на родину».

Несомненно, новость о том, что Галерий объявил цезарем не его, а своего племянника Максимиана Дайю, явившегося из придунайских степей, была большим ударом по честолюбию Константина.

Но он нашел в себе силы никак этого не проявить. И вскоре подал прошение, чтобы его отправили в Британию, на помощь отцу. Галерий с радостью отпустил Константина в надежде, что тот сгинет в британских болотах, но для верности решил устроить по дороге засаду.

Константину стало об этом известно, и он отправился на север обходным путем. Чтобы избавиться от погони, он похищал на перекладных станциях всех казенных лошадей. Узнав, что его уже не догнать, Галерий, как пишет Лактанций, «с трудом сдерживал слезы».

Под командованием Константина римские легионы в Британии удачно завершили кампанию, восстановив границы северной провинции Рима в прежних пределах.

К этому времени отец Константина доживал свои последние дни в Эборакуме (Йорке), по другим источникам – в Лондини (Лондоне). В историю он вошел под именем Констанций Хлор. Прибавку к его имени («хлор» значит «бледный») придумали позднейшие византийские историки, чтобы не путать с сыном Константина Великого Констанцием. Возможно, Констанций имел очень болезненный вид, подхватив в британских болотах лихорадку, от которой и умер.

Константин застал отца уже на смертном одре – в присутствии свидетелей отец назначил его своим преемником, после чего скончался.

Прощание с императором проходило при огромном стечении народа. Когда Константин появился на площади, солдаты приветствовали его громкими криками: «Да здравствует август Константин!»

Таким образом, 25 июля 306 года армия провозгласила его августом.

Константину было 32 года, и он сам все время чувствовал свою «звезду» – словно какая-то высшая сила вела его по жизни и даровала победы... И он все чаще задавался вопросом: какие боги помогают его славе?

В 330 году будет выпущена золотая монета, где император Константин изображен вместе с Александром Македонским – два гордых, победоносных профиля.

А в 306 году Константин доказал, что не зря десять лет провел при дворце Диоклетиана, научившись стратегии и тактике, умению делать правильные политические ходы. Он написал Галерию письмо, в котором признавал себя недостойным столь высокого титула августа и просил одобрить действия его армии частично, то есть утвердить за ним титул цезаря. Да, их силы с Галерием пока были слишком неравны, и не в пользу Константина.

Галерию ничего не оставалось делать, как утвердить за своим заклятым врагом титул цезаря Британии. Как бы ни были сильны личные амбиции, но кому-то надо было защищать северные границы Рима.

Константин поселился в Треверах, в резиденции отца, оставив за мачехой Феодорой титул августы и пособие из царской казны для нее и ее шестерых детей.

31 марта 307 года Константин женился на Фаусте, младшей дочери августа Максимиана Геркула – это был уже второй его брак. Первой избранницей Константина, еще в юности, стала Минервина, дочь богатого купца в Дрепануме, которая умерла во время родов, оставив ему сына Криспа.

Руки дочери Максимиана он добивался давно. Константин хотел укрепить свои позиции августа, так как Максимиан Геркул, бывший август, хотя и отрекся от верховной власти вместе с Диоклетианом, но все еще имел авторитет и пытался вернуться в политику.

Их первая встреча с Фаустой произошла при забавных обстоятельствах.

Еще во время учебы в военной школе Константин в свите императора объезжал Италию. Во время торжественного приема в Медиолане семилетняя Фауста по ошибке преподнесла ему в подарок шлем, предназначенный Диоклетиану. Наверное, ей показалось, что украшенный драгоценными камнями шлем будет больше к лицу этому высокому и красивому молодому воину.

Фауста была непомерно честолюбива, и когда Константин впервые к ней посватался, шестнадцатилетняя девушка объявила, что выйдет замуж только за цезаря. А когда Константин стал цезарем, подняла планку – нет, она будет женой только августа, верховного правителя.

И Константину, который и сам был честолюбив, наверняка это тоже нравилось, вдохновляя на новые подвиги.

Личная жизнь правителей – самая недоступная область для историков. Но многое говорит том, что Елена была недовольна выбором сына.

Когда-то отец Фаусты, Максимиан Геркул, разлучил ее с мужем, и от его детей она тоже не ожидала ничего хорошего...

Какие только хвастливые титулы не присвоил себе Максимиан Геркул за свои победы: Британский Величайший, Германский Величайший, Персидский Величайший, Сарматский Величайший, Армянский Величайший, Карпийский Величайший, причем не по одному разу.

После ухода Диоклетиана формально Максимиан Геркул был отстранен от власти, но именно тогда он во всей полноте проявил всю свою сущность интригана, устроив вместе с сыном Максенцием захват власти в Риме.

Поводом к народным волнениям в Риме стал указ Галерия, который отменял для горожан свободу от налогообложения – вековую привилегию столичных жителей. Возмущенные горожане, подстрекаемые сенатом, подняли в Риме бунт. Тогда-то и появился Максимиан

Геркул, пообещав сенаторам вернуть Риму все привилегии, если его снова провозгласят августом Италии.

Сенаторы набросили на него порфиру, и новый хозяин Рима сразу же объявил соправителем сына Максенция.

Узнав об этом, разъяренный Галерий велел своему ставленнику Флавию Северу двинуть войска на Рим. Но из его затеи ничего хорошего не вышло. После неудачных военных маневров Севера уговорили сдаться на милость новых правителей Рима, а когда он приехал в столицу, заставили покончить с собой. Галерий со своим войском двинулся на помощь Северу, и Максимиан Геркул велел сыну выступить ему навстречу. Но Максенций отказался, и отец в сенате в гневе сорвал с него пурпурную мантию.

Тогда Максенций подкупом склонил на свою сторону преторианскую гвардию и выгнал отца из Рима.

Войско Галерия вскоре отступило назад, как сообщают историки, неистово разоряя на обратном пути города Италии, как будто оно шло по вражеской территории.

Таким образом, Максенций стал единоправным властителем Рима, а Максимиан Геркул бежал на запад к Константину и дал согласие на его брак с Фаустой.

Свадебная церемония состоялась в Ареалате (сейчас это французский город Арль), где Константину был также присвоен титул августа Британии, Галлии и Испании.

Сохранилась мозаика V века с портретом молодой Фаусты. Молодая волоокая женщина с тяжелым подбородком и царственным венком на голове держит в руках шкатулку с украшениями, показывая всем жемчужное ожерелье – свадебный подарок императора Константина...

Отношения Константина с хитроумным тестем испортились очень быстро. Пока зять воевал в Галлии с франками и алеманами, Максимиан Геркул устроил за его спиной заговор.

Распустив слухи, будто Константин погиб на войне, он объявил себя августом Галлии, Британии и Испании и на золото из казны зятя подкупил и склонил на свою сторону несколько легионов. На первый раз Максимиан был помилован – прощение для отца выпросила Фауста.

Через какое-то время Максимиан Геркул снова предпринял попытку захвата власти – на этот раз более примитивным способом, подослав ночью в спальню Константина убийц. Не жилось ему спокойно; в это время его боевой товарищ Диоклетиан давно уже выращивал в своем имении капусту, не желая слышать о войнах и политике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.